

Двое прокрались к кабинету Гу Шаня и, убедившись, что внутри нет гостей, отправили слугу доложить о своем приходе.

Гу Шань был немало удивлен. Гу Яньли, кроме как для утренних приветствий, никогда не искал его общества по собственной воле. Он нахмурился, гадая: неужели парень снова собрался тащить Бай Цианя развлекаться? Неужели им и дня в покое не усидеть?

Когда они вошли, Бай Циань заметил нахмуренные брови Гу Шаня и, опасаясь, что тот неверно истолкует поведение сына, поспешил заговорить первым:

— Дядюшка Гу, мы как раз читали о том, как в древности люди обманывали правителей, и решили спросить у вас, как же стоит поступать с тем управляющим лавкой женьшеня.

Гу Шань, обрадованный тем, что сын проявил интерес к семейному делу, смягчился и с улыбкой ответил:

— Вот оно что. Прежде чем говорить об этом, знайте: подделка женьшеня — беда не только нашего времени. Самый примитивный способ — запихивать внутрь свинцовые прутья или железную стружку для веса.

— Подобные грубые уловки наши скупщики видят насквозь. Чаще всего так грешат сами сборщики. Есть методы похитрее: берут обычный пересаженный женьшень и с помощью вставок, наращивания ножек или резьбы придают ему вид дикого корня с идеальными очертаниями.

Гу Шань помедлил, но решил сказать правду:

— Признаюсь, все лавки прибегают к последнему. В этом и заключается коварство торговли: товар делят на сорта, и цены, разумеется, разнятся.

— Настоящий дикий женьшень высшего качества идет либо на подношения дворцу, чтобы в случае нужды у знатных особ всегда был запас, либо для личного пользования и дорогих подарков.

— Что же до нашего управляющего — он перешел все границы! Сметь подменять дикий женьшень редькой... Корень этот — для укрепления жизненных сил, а редька — для их рассеивания. Это же ни в какие ворота не лезет!

— Нынешний год выдался тяжелым, урожай женьшеня в горах Чанбайшань едва ли составляет половину от прежнего, да и ни одного корня, похожего на человеческую фигуру, не попалось. Если бы этот человек честно доложил обо всем, я бы лишь пожалел его, а не стал наказывать.

— Я думал, раз он служит нам десятки лет и не раз сопровождал твоего деда в поездках на юг, а ноги у него уже не те, то дарую ему легкую и прибыльную должность. Кто бы мог подумать, что при аресте он начнет валить вину на хозяев!

Гу Яньли, слушая с замиранием сердца, с негодованием воскликнул:

— Отец, его нужно выпороть как следует, чтобы другим неповадно было!

Бай Циань бросил на него быстрый взгляд, и Гу Яньли, спохватившись, тихо пнул его ногой под столом. Осознав, что сболтнул лишнее, он украдкой взглянул на отца и, не заметив гнева, облегченно выдохнул.

Гу Шань действительно не сердился. В свои восемь-девять лет он мыслил точно так же, поэтому охотно решил просветить сына:

— Разумеется, его передали в управу, а весь женшень с примесью редьки сожгли. Нельзя же чинить самосуд. Но запомни, Янь: как только он оказался в руках правосудия, дело закрыто. Вода не может быть кристально чистой, а обман не искоренить полностью.

— Накажешь одного управляющего Ли — завтра появится управляющий Чжан. Мы забираем львиную долю прибыли, нельзя лишать слуг и мелких работников их крох. Метод кнута и пряника — вот единственный залог долгого процветания.

Вернувшись, Бай Циань шепнул Гу Яньли:

— Насколько мне известно, сын того управляющего открыл свою лавку, где торгует отборным диким женшенем, и отбоя от клиентов нет. Но недавно к нему стали приходить люди с жалобами, что их родные скончались после приема того корня. Огромные суммы выплат, десятки исков... Лавка разорилась, и говорят, они всей семьей покинули Цзиньлин, поклявшись никогда не возвращаться.

Глаза Гу Яньли загорелись:

— Вот это по-нашему! Раньше я считал отца косным, а он, оказывается, рассуждает как я. Жаль только, что их просто выгнали из города, слишком мягкое наказание. Если бы это был я...

Заметив, к чему он клонит, Бай Циань нахмурился и надул губки. Гу Яньли тут же умолк.

К обеду в кабинете накрыли стол. Гу Яньли, как и обещал, распорядился, чтобы на кухне приготовили острые куриные кубики, о которых упоминал Бай Циань, и еще несколько блюд, приправленных жгучими специями.

Чжулин в ужасе воскликнул:

— Нельзя, молодой господин! От такой острой пищи у вас снова разболится живот!

Бай Циань, пребывавший в самом радужном настроении, и слушать не хотел Чжулина, портящего весь аппетит. Гу Яньли, видя радость друга, велел слуге убираться прочь, чтобы тот не мешал. Чжулин, понимая, что Бай Циань его не слушает, а Гу Яньли лишь потакает ему, принес утренний чай, настоянный на лечебных травах, и настоял, чтобы перед едой тот выпил

хотя бы чашку.

Бай Циань залпом осушил чай и заставил Гу Яньли выпить свою порцию. Поняв, что Чжулин стесняет Бай Цианя, Гу Яньли велел ему идти обедать вместе с остальными.

Друзья переглянулись и принялись за еду. Бай Циань был так доволен, что съел на полчашки каши больше обычного. Гу Яньли, видя его благодушный настрой, расплылся в улыбке: оказывается, сделать его счастливым так просто!

После обеда они выпили еще по чашке чая, и Гу Яньли уже собирался утащить Бай Цианя к себе в комнату, чтобы подремать в обнимку, но внезапно лицо Бай Цианя исказилось от острой боли, и он повалился на кушетку. Гу Яньли остолбенел: сердце пропустило удар, а в голове будто взорвалась молния. Он бросился к кушетке:

— Что с тобой? Почему так внезапно? Скорее, зовите лекаря!

Он уже хотел подхватить Бай Цианя на руки, но тот, бледный как полотно, остановил его:

— Не надо шума. Я знаю — это от острой еды. Если ты поднимешь крик, слугам достанется. Я сам виноват, не удержался. Позови Чжулина.

Гу Яньли, обливаясь потом от страха, послушался. Когда он втащил Чжулина в комнату, тот сперва ничего не понял, но, увидев своего господина, свернувшегося калачиком на кушетке, побледнел, словно его поразило Пять Громов.

Гу Яньли заметался:

— Он сказал, что лекарь не нужен, но ты же должен что-то сделать! Может, я все-таки схожу за врачом?

Чжулин, придя в себя, бросился к Бай Цианю, а затем обернулся к Гу Яньли:

— Прошу, пусть кто-нибудь принесет пилюли Баоцзи, пластырь от боли в животе и стакан воды с солью.

Он попытался успокоить Гу Яньли:

— Не изводите себя, господин Янь. У нашего господина всегда так, если съест слишком острое. Дома госпожа строго следит за его рационом...

Гу Яньли, не отрывая тревожного взгляда от Бай Цианя, велел Тяньмо бежать за лекарствами, приказав делать все тихо, чтобы никто не заметил.

Глядя на Бай Цианя, чьи губы окончательно утратили цвет, Гу Яньли впервые испытал такое жгучее чувство раскаяния. Он думал, что делает лучше, потакая его желаниям, а оказалось,

что чрезмерное баловство лишь вредит.

Он опустился на колени перед кушеткой, боясь даже прикоснуться к нему. Бай Циань с трудом приоткрыл глаза и, заметив состояние друга, сам вытер пот с его лба и тихо прошептал несколько успокаивающих слов.

Гу Яньли криво усмехнулся:

— И ты еще меня утешаешь? Чего мне бояться? В худшем случае отец просто меня выпорет.

Он осторожно положил ладонь на живот Бай Цианя и начал бережно растирать. Лицо Бай Цианя заметно разгладилось. Видя это, Гу Яньли сел на пол и продолжил массаж. Когда Тяньмо и Чжулин принесли лекарство, он помог Бай Цианю принять его, дождался, пока боль утихнет, и снова вернул руку на прежнее место.

К счастью, они обедали без прислуги, так что происшествие удалось скрыть. Всем посвященным было строго приказано молчать. Лишь когда Бай Циань вернулся домой и убедился, что все прошло гладко, он наконец смог вздохнуть спокойно.

<http://bllate.org/book/20696/2067694>